

хозяйственных органов, присутствие в ее составе сотрудника ОГПУ Посохова, проводившего в марте аресты прежних кулаков, навело казымцев на мысль о реальности утраты и других богатых оленеводов. Посохов и приехавшие с ним русские были задумчивы, причем отнюдь не кулаками, хотя Остяко-Вогульский окружком ВКП (б) в постановлении от 13 марта 1934 г., конечно же, назвал эту акцию кулацкой. Кстати, разгром повстанцев произошел сравнительно быстро и бескровно только потому, что, когда бедняки напомнили кулакам условия соглашения, последние проявили скудость. В итоге восставший отряд разбился на небольшие группки, которые стали легкой добычей карателей.

Е. А. Бушаров

«СОМНИТЕЛЬНЫХ ЗАПЕРЕТЬ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ...»

После установления советской власти в Тюменской губернии стала создаваться новая «социалистическая» пенитенциарная система. Из прежних мест заключения продолжали существовать только тюрьмы и арестные дома. Правда, само слово «тюрьма» было заменено более отвечающим провозглашенным властью задачам трудового перевоспитания преступников словосочетанием «исправительный дом», но сути всем известного учреждения — места отбывания наказания для лиц, осужденных на лишение свободы, — это переименование не меняло. В арестных домах — учреждениях временного содержания — осужденные или подследственные, как и в царские времена, находились непродолжительное время. В 1920–1922 гг. исправдома были учреждены в городах Тобольске, Тюмени, Ишиме, а арестные дома — в Ялуторовске, Туринске, Сургуте, Березове. Появились и новые типы мест заключения — сельскохозяйственные колонии и лагеря принудительных работ (концлагеря).

В юридической литературе концентрационный лагерь трактуется как место массового заключения гражданского населения или военнопленных, как правило, во внесудебном порядке. «В отличие от обычных мест лишения свободы, концентрационные лагеря создаются тоталитарными режимами в период террора либо колониальными — в период военных действий; заключение в концентрационных лагерях не носит обычно характера уголовного наказания»¹.

Сомнительная честь создания первых концентрационных лагерей принадлежит испанцам, которые организовали их для изоляции «враждебных и сомнительных элементов» в 1895 г. после начала антиколониального восстания на Кубе. С 1900 г. англича-

¹ Большой юридический словарь. М., 1997. С. 316.

не в Южной Африке приступили к строительству концлагерей для членов семей сражавшихся против них буров. Заключенных там женщин и детей использовали в качестве заложников. К 1901 г. подобные лагеря существовали уже в 12 районах страны, в них содержалось около 110 тыс. буров и 100 тыс. африканцев. К концу англо-бурской войны в лагерях погибло 27 тыс. бурских женщин и детей, а также, по разным данным, от 14 до 20 тыс. черных африканцев. В годы Первой мировой войны многие воюющие державы содержали в концентрационных лагерях интернированных граждан враждебных государств и военнопленных.

С лета 1918 г. советская власть стала использовать концентрационные лагеря, в которых ранее содержались военнопленные, для изоляции своих активных классовых противников. Характерно, что, в отличие от традиционных мест заключения, находившихся в ведении Народного комиссариата юстиции (НКЮ), вновь создаваемая лагерная система, предназначавшаяся, в первую очередь, для содержания политических заключенных, подчинялась Наркомату внутренних дел (НКВД). Директивы советского руководства не оставляют сомнений в отношении его тогдашних намерений. 9 августа 1918 г. В. И. Ленин потребовал от Пензенского губисполкома «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов, белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»². Строго секретный приказ ВЧК от 2 сентября 1918 г. предписывал: «Арестовать как заложников крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать»³. Декрет СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., указавший на необходимость изолирования классовых врагов в концентрационных лагерях, придал новым карательным учреждениям официальный статус.

3 апреля 1919 г. коллегией НКВД был принят за основу предложенный наркомом Ф. Э. Дзержинским проект постановления

Соловки

² Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920 гг.). М., 1957. С. 61.

³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 14.

ВЦИК «О концентрационных лагерях». В ходе доработки проекта родилось новое название: «лагеря принудительных работ», придававшее политически нейтральному термину «концентрационный лагерь», еще не звучавшему тогда зловеще, определенный классовый карательно-воспитательный оттенок. 11 апреля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил постановление «О лагерях принудительных работ», а 12 мая принял «Инструкцию о лагерях принудительных работ». Эти документы положили начало правовому регулированию деятельности концлагерей⁴.

Организация и руководство лагерями принудительных работ возлагались на губернские ЧК. Предлагалось устраивать лагеря с учетом местных условий «как в черте города, так и в находящемся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д.»⁵. Перед губЧК ставилась задача — открыть во всех губернских городах в указанные сроки лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый. Общее управление всеми лагерями на территории РСФСР поручалось отделу принудительных работ НКВД, фактическое руководство концлагерями осуществляли чекисты.

В дальнейшем советским законодательством предусматривалось существование пяти типов лагерей принудительных работ: лагерей особого назначения, концентрационных лагерей общего типа, производственных лагерей, лагерей для военнопленных и лагерей-распределителей. Это разделение на типы во многом было формальным и мало влияло на характер и условия содержания заключенных. В официальном делопроизводстве НКВД, наряду с названием «лагерь принудительных работ», встречались и такие термины, как «концентрационный лагерь принудительных работ», «концентрационный трудовой лагерь» и другие. Иногда разные названия отражали фактическое различие. Например, в одних случаях принудительные работы были обязательны, в других — заключенные (чаще заложники) направлялись на работы по желанию. Однако часто разные термины использовались просто как синонимы. Так, в документах тюменских губернских учреждений об одном и том же месте заключения говорилось как о «концлагере», «лагере», «лагере принудработ».

В годы гражданской войны карательную политику в советском государстве осуществляли три ведомства: НКВД, ВЧК и НКЮ. В сентябре 1921 г. в 117 лагерях НКВД насчитывалось более 60 тыс. заключенных. Около 50 тыс. человек (на конец 1921 г.) содержалось в местах заключения, подведомственных ВЧК. В местах лишения свободы НКЮ находилось более 73 тыс. человек, из них примерно 40–50% — в качестве подсудимых.

В Тюмени лиц, выступающих против Советов, весной–летом 1918 г. помещали в тюрьму, а не в существовавший тогда в городе концлагерь военнопленных. После падения власти большевиков в июле 1918 г. в этот концлагерь органы власти Сибирского правительства стали помещать пленных красноармейцев.

После восстановления советской власти в Тюменской губернии было организовано два концентрационных лагеря: в Тоболь-

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. М., 1919. № 12, 20, 47.

⁵ Декреты Советской власти. М., 1971. Т.V. С. 69, 174.

ске и Тюмени. В Тобольске лагерь начал функционировать с 1 сентября 1920 г. в трех корпусах бывшей каторжной тюрьмы, а в Тюмени — с 25 марта 1921 г. за речкой Тюменкой, в здании бывшего арестного дома у Шадринской мельницы. Заключение в лагерь поступали из исправительных домов (тюрем) Тюмени, Тобольска, Ишима. Среди них были люди, подвергнутые наказанию как в судебном (по приговорам ревтрибуналов и уездных народных судов), так и во внесудебном (по решениям ЧК) порядке. Все заключенные были жителями Тюменской губернии. Их средняя численность в каждом из лагерей составляла около 100 человек. Впрочем, в Тюменском концлагере эта цифра в отдельные месяцы доходила и до 150 человек⁶. В период становления Тобольского лагеря в 1920 г. власти планировали довести количество заключенных в нем до 1000 чел. и более, но по объективным причинам (материальные затруднения и пр.) это сделано не было. В основном заключенные были из крестьян; преобладал мужской контингент, женщин насчитывались единицы. В Тюменском лагере находились тюменка В. Сигова, осужденная на 2 года за бандитизм, и жительница Березовского уезда М. Безноскова, получившая 1 год принудительных работ в марте 1921 г. за контрреволюционную деятельность. В подавляющем большинстве в лагерях отбывали срок дезертиры Красной Армии, участники крестьянского восстания 1921 г., лица, осужденные за контрреволюционную деятельность. Но были и уголовники.

Срок заключения лагерников колебался от 2 мес. до 5 лет, однако встречались среди них и заключенные со сроками в 10–15 лет. Это были люди, осужденные за контрреволюционную деятельность до Декрета СНК от 21 марта 1921 г., по которому предельный срок заключения ограничивался 5 годами. Так, в Тюменском лагере отбывал наказание житель Ишима Ф. Ф. Сурнин 1895 года рождения, осужденный за «контрреволюцию» на 15 лет. Минимальные сроки получали дезертиры, максимальные — контрреволюционеры и участники Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года.

Режим содержания в лагерях губернии был довольно мягким. Для них не были свойственны «эксцессы» многих первых советских лагерей 1918–1919 гг. — заложничество и неоправданная жестокость по отношению к заключенным. Победившая в гражданской войне и еще не утратившая «революционного романтизма» власть распространила на заключенных почти все права, предоставляемые трудящимся — 8-часовой рабочий день, оплату за труд, предоставление отпуска и т.д. И в целом придерживалась этих правил. Довольно часто заключенные «одобрительного поведения» из всех категорий; включая «контрреволюционеров», освобождались досрочно по амнистиям. Для стимулирования к труду и к хорошему поведению заслуживших того своим поведением осужденных разрешалось отпускать за пределы лагеря для проживания в частных и государственных квартирах. Таких осужденных, живших за пределами лагерей, было

⁶ ГАТО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 7.

немало. Так, К. Кремлев, отбывавший свой срок в Тюменском лагере, получил разрешение жить 3 месяца на бывшей Жернаковской мельнице, где и работал. Савва Моисеевский из этого же лагеря был отпущен на три недели домой для оказания жене помощи в сельскохозяйственных работах. При этом было учтено, что два его сына, находясь в Красной Армии, «воевали с бандитами». Если заключенные нарушали режим содержания или отказывались работать, то их изолировали от остальных в камеры. В Тюменском лагере таких камер не было, и нарушителей порядка отправляли в местный исправительный дом. Так, за плохое поведение 23-летнюю В. Сигову отправили в исправдом на 7 суток, а заключенного Симонова, который воровал в лагере и на работе, препроводили туда до конца срока⁷.

В лагерях заключенные находились в своей одежде, а нуждающихся в ней обеспечивала администрация лагерей, причем одежда выдавалась только тем, кто был осужден на срок более 1 года⁸.

Создание лагерей проходило в период хозяйственной разрухи, вызванной Первой мировой и гражданской войнами. Здания, которые местные власти отвели для размещения заключенных, нуждались в ремонте. Так, осенью–зимой 1920/21 гг., в первые месяцы существования Тобольского лагеря, администрация испытывала большие трудности не только в налаживании производства, но и в обустройстве заключенных на местах. В окнах корпусов лагеря отсутствовали стекла, были разбиты двери, разрушена баня и мастерские⁹, а учреждения Тобольска не могли помочь лагерю ни стеклом, ни железом, ни инструментами для мастерских, ни керосином, ни лошадьми. У заключенных не было теплой одежды, из-за нехватки дров в камерах стоял лютый холод. Хотя предприятия Тобольска остро нуждались в рабочих руках, в полной мере труд заключенных использовать не могли из-за отсутствия у многих из них зимней одежды. Работала лишь часть лагерников: на погрузке-разгрузке и там, где имелось продовольствие. К началу весны 1921 г. все оставалось по-прежнему. Комендант лагеря в рапорте просил у уездных и губернских властей для заключенных 100 пар сапог, рукавиц, такое же количество нательного белья и постельных принадлежностей, а также упряжь для 10 лошадей¹⁰.

Здание Тюменского лагеря находилось в еще более плачевном состоянии, отапливалось 17 маломощными печами и освещалось 15 керосиновыми лампами. Но труд осужденных администрация этого лагеря использовала более интенсивно. В начальный период своей работы лагерь получил из казны материалы и оборудование для сапожной, портняжной, столярно-слесарной мастерских и кузницы. Хотя и здесь не обошлось без казусов. В 1921 г. в лагере существовала часовая мастерская, которую, видимо, организовал осужденный губЧК за «контрреволюцию» ишимский ча-

⁷ Там же. Д. 2. Л. 25.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 56. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 22.

совщик Я. М. Лейбсон. Но мастерская себя не оправдала: желающих отремонтировать в ней часы было мало¹¹. По той же причине позже была закрыта созданная было администрацией ювелирная мастерская, в которой за время ее «работы» отремонтировали лишь две пишущие машинки. С момента организации лагерю принадлежали хлебопекарня и совхоз «Черная речка» (в 1922 г. их передали другим учреждениям), рыбный промысел и кирпичный завод, на котором работало 10 рабочих и 1 мастер. Заключенные занимались также сухой перегонкой древесины, лесозаготовкой и щепным промыслом. В 1922 г. у лагеря имелось 15 десятин земли, использовавшейся под огородничество и сенокос. Часть продукции собственных предприятий потреблялась внутри зоны, другая шла на продажу. Заключенные работали и на предприятиях города¹².

Однако, вопреки надеждам властей на самоокупаемость и даже прибыльность мест заключения, использовавших труд осужденных, Тюменский концлагерь, как и Тобольский, оставался «нахлебником» государства. В 1921 г. Тюменский лагерь получил в виде кредитов и пособий деньгами и материалами от местных государственных органов около 48,5 млн. руб.¹³, в то время как в собственном хозяйстве было заработано чуть более 1,3 млн. руб., а на предприятиях города — 3,9 млн. рублей¹⁴. Согласно положению о лагерях, на содержание заключенных вычитали до 3/4 их заработка¹⁵.

Группы заключенных, работавших за пределами лагеря, находились под охраной конвойных команд. С лета 1921 г. в Тюменском лагере было 30 красноармейцев-охранников¹⁶. За работой и бытом в лагерях следили надзиратели, но их штат не был укомплектован: в Тюменском лагере вместо 19 надзирателей в начале 1921 г. работало лишь 4.

В 1921–22 гг. в Тобольской губернии, так же как и во всей Российской Федерации, не хватало продовольствия, существовала карточная система. Недостаток продуктов отразился и на без того скудных нормах потребления в Тобольском и Тюменском лагерях. В сентябре 1921 г. в них на одного заключенного в день приходилось 240 гр. хлеба (на неработающего — 150 гр.), 53–54 гр. мяса или рыбы, 13–14 гр. масла, 7 гр. сахара, 60 гр. крупы, 400 гр. овощей; 2 коробка спичек, а также 26 гр. кофе в месяц¹⁷. Заметим, что дневные нормы потребления военнопленных Первой мировой войны в Тюменском концлагере в 1915–1919 гг. были выше: на одного человека полагалось 2 фунта (819 гр.) хлеба, 24 золотника (102 гр.) крупы и 1/4 фунта (100 гр.) мяса или рыбы¹⁸. Советские нормы питания приближались к этому уровню лишь у заключенных, трудившихся на особо важных для лагеря и тяжелых работах. Косари, например, получали 800 гр. хлеба в день и увеличенную порцию солонины. Комендант Тюменского лагеря распорядился выдавать заключенным, занятым в рыбном промысле, дополнительно к норме по 200–400 гр. рыбы в зависимости от улова.

Культурно-просветительная работа в лагерях не велась, организовывались лишь политические митинги, посвященные

¹¹ Там же. Д. 251. Л. 81.

¹² Там же. Д. 5. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 415.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 31.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 18 (об).

¹⁷ Там же. Д. 3. Л. 34.

¹⁸ Бушаров Е. Военнопленные первой мировой войны в Тюмени (1914–1920) // Ежегодник ТОКМ 1997. Тюмень, 1999. С. 67.

очередным годовщинам Великого Октября и другим «пролетарским датам».

В ноябре–декабре 1922 г. общее число заключенных в лагерях губернии составляло 150 человек. Причина сокращения общего числа лагерников была связана с тем, что по постановлению ВЦИК от 6 февраля 1922 г. право чрезвычайных комиссий на внесудебную репрессию было отменено, а ведь именно чекисты являлись до сих пор основными «поставщиками» заключенных в концентрационные лагеря. В декабре 1922 г. на основании статьи 34 УК РСФСР началась реорганизация лагерей. Главной причиной их ликвидации были не материальные издержки или недостатки в организации. Изменилась политическая ситуация в стране: были ликвидированы очаги открытого сопротивления, закончилась гражданская война, власти уже не боялись реставрации старого строя, и повсеместное существование лагерей, где отбывали сроки политические противники, было сочтено излишним. Часть лагерей закрыли, другие преобразовали в исправительно-трудовые дома, сельскохозяйственные и ремесленные колонии и т.д. В первом советском Уголовном кодексе, принятом 24 мая 1922 г. на 3-й сессии ВЦИК IX созыва, в разделе о местах лишения свободы нет упоминания о концлагерях или лагерях исправительных работ, а говорится о трудовых сельскохозяйственных и ремесленных колониях. В Исправительно-Трудовом кодексе РСФСР, принятом на 2-й сессии XI созыва в октябре 1924 г., понятия «лагерь», «концлагерь», «лагерь принудительных работ» также отсутствуют.

В Тюменской губернии оба лагеря были ликвидированы в начале декабря 1922 года. Тобольский лагерь был реорганизован в сельскохозяйственную ферму при исправительном доме (тюрьме), а из Тюменского лагеря заключенные были отправлены в Тюменскую трудовую колонию и Тюменский исправдом. Имущество лагеря было передано в колонию и в мастерские исправдома.

Но свой первый лагерный опыт большевистское руководство не забыло. Когда очередной хозяйственный кризис последней трети 1920-х гг. привел к резкому обострению социально-экономической ситуации, Сталин и его окружение в поисках выхода из него начали активно формировать в общественном сознании многоликий образ врага — «вредителя», «кулака», «саботажника». Выдвинутый Сталиным кровавый тезис об «обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму» служил идеологическим обоснованием репрессий против «врагов Советской власти» и, по сути, стимулировал массовость их. Существовавший в годы нэпа относительно либеральный политический режим быстро трансформировался в тоталитаризм, важнейшим атрибутом которого на протяжении всех лет его существования были концентрационные лагеря. Родился архипелаг ГУЛАГ, поглотивший миллионы наших соотечественников.